

Г. Марсель

Дух абстрактности как фактор войны¹

Ложь и война сегодня связаны неразрывной связью, именно сегодня, говорю я, так как речь не идет о такой связи, которая соединяет сами слова. В существующей теперь действительности, такой, какой она предстает нам, невозможно не признать, что война соединена с ложью, с ложью в двойном смысле — с ложью другим и ложью самим себе, обе они, впрочем, тесно взаимосвязаны и, быть может, по праву неотделимы одна от другой.

Человек, который честен сам с собой, не может не констатировать, что война во всех ее современных видах является катаклизмом, который не способен нести с собой никакого значительного позитивного противовеса за исключением, возможно, того случая, когда имеет место чистой воды агрессия, ведущаяся против безоружного противника. Но в этом случае война перестает быть, собственно говоря, войной, превращаясь просто в бандитскую акцию, которую стараются закамуфлировать, представляя ее карательной экспедицией, для чего пускаются в ход неисчерпаемые пропагандистские ресурсы.

В любом другом случае, то есть когда имеет место конфликт действительно вооруженных противников, сегодня нам известно, что риски любого вида являются невообразимыми, и разрушения вероятнее всего превосходят те преимущества, которые намереваются из такого столкновения извлечь. Таковы факты, непосредственно открытые для всех, и очень трудно понять, каким образом урок, который из них следует, все еще может оставаться пустым звуком если и не для подавляющего большинства людей, то, по крайней мере, для, так сказать, ответственных лиц, от которых зависит их судьба. Но еще до всякого размышления ясно, что роль лжи во всем этом является определяющей. Именно лишь при помощи организованного обмана можно рассчитывать на то, чтобы заставить принять войну тех, кто обязан ее вести или претерпевать: заметим при этом, что между словами «вести» и «претерпевать» разница просто колоссальна, которую невозможно преувеличить. Чтобы заставить принять войну, теперь уже невозможно осмелиться выдвинуть соображения полезности, но обязательно требуется прибегнуть к псевдорелигиозному оправданию ее неотвратимости. Понятие псевдорелигиозного фактора релевантно как по отношению к войнам между расами, так и — к революционным войнам, войнам одного общественного класса против другого. Нетрудно показать, что любая пропаганда, ориентированная таким образом, основывается на лжи.

Но все сказанное — не более чем преамбула. Исследование, которое я здесь намерен провести, начинается тогда, когда стараются определить, какой же именно связью соединены ложь и абстракция. Подчеркнем, что в этом случае точно так же, как и в других случаях, речь не идет об установлении концептуальной связи, но о том, чтобы войти внутрь исторического измерения бытия (*l'existence historique*).

¹ Приводится по изданию: Марсель Г. Люди против человеческого. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с. С. 118–123.

Прежде всего, следует провести различие между абстрагированием (*abstraction*) и духом абстрактности (*esprit d'abstraction*), что не представляется простой задачей. Абстрагирование как таковое является умственной операцией, к которой необходимо обращаться для достижения какой бы то ни было определенной цели. Внутренняя связь между абстрагированием и действием прекрасно выявлена психологией. Абстрагирование в целом предполагает предварительную расчистку ментального поля, причем это очищение может быть действительно рациональным. Это означает, что дух при этом должен точно и ясно осознавать те методические исключения, которые требуются, чтобы планируемый результат был достигнут. Но может случиться, что дух, уступая своего рода чарам, перестает осознавать эти предварительные условия и впадает в заблуждение относительно природы того, что само по себе является всего лишь некоторой операцией, можно даже сказать, некоторой уловкой. Дух абстрактности неотделим от такой ошибки, я бы даже сказал, что он и есть сама эта ошибка. Разве нельзя сказать, что дух абстрактности представляет собой своего рода перенос империализма в ментальный мир? Кажется, барон Сейер², которого мало читают, видел это с достаточной ясностью. Как только безо всяких оснований мы придаем какой-то изолированной от других категорий превосходство, так сразу же становимся жертвами духа абстрактности. Важным при этом является то, что сама эта операция абстрагирования, в противовес тому, как она обычно воспринимается, по сути дела выходит за рамки интеллектуальной сферы. Действительно, уместно было бы прибегнуть к обобщенному психоанализу, который бы позволил выявить неизменно эмоциональный характер обсуждаемой операции. В высшей степени это справедливо по отношению к тому, кто стремится истолковать всю целокупность человеческой реальности, исходя из экономических фактов. Достаточно, например, послушать какого-нибудь марксиста, когда он говорит о проблемах искусства, чтобы это стало совершенно ясно. Нет никакого рационального основания для того, чтобы подчинять специфические формы художественного творчества в какую-то определенную эпоху преобладающим в это время экономическим условиям. И совершенно ясно, что, размышляя об этом, уместно обратиться к исчерпывающим разработкам Ницше и особенно Шелера, раскрывшим роль ressentiment в подобных редукциях. Здесь следовало бы напрямую обратиться к таким типовым формулам, как «это — не что иное, как...»; любая обесценивающая редукция есть в основе своей ressentiment, то есть страсть, и по сути дела является своего рода покушением на определенную целостность реальности, которой лишь подчеркнуто конкретная мысль может воздать должное. При этом следует обратить внимание на то, что подобная снижающая редукция уравнивается определенным и всегда мнимым возвеличиванием остаточного элемента, значение которого намереваются утвердить после того, как ему принесли в жертву все то, что приняли за пустую видимость или чистую надстройку. Все это — совершенно общее явление, и его можно наблюдать как в полемике сюрреалистов, так и в марксистских диатрибах. Конечно, традиционалистская и реакционная философия до определенной степени тоже может поддаться аналогичной манере, если руководствуется духом исключительности. Тем не менее эти случаи существенно различаются, так как такая философия, несмотря ни на что, проникнута уважительным отношением к прошлому

² Сейер (Seillière) Эрнест Антуан Эме Леон (1866–1955) — французский философ, социолог, автор книг «Философия империализма», «Демократический империализм», «Аполлон или Дионис? Этюд о Ницше», «Будущее бергсоновской философии» и др. — Прим. перев.

и к тому наследию, которое связывает человека и Бога и самым радикальным образом противостоит тому, что я называю духом абстрактности; в связи с этим можно сказать только то, что подобный образ мысли, как и все другие, всегда подвержен риску огрубления, усыхания, стерилизации именно под воздействием духа абстрактности, неизбежно портящего все, чего он касается. Вот этот дух абстрактности предстал перед нами воплощенным в самой личности господина Жюльена Бенда³.

Однако как только подобная эмоциональная подоснова духа абстрактности осознана, становится возможным понять, что она должна быть поставлена в ряд наиболее устрашающих факторов войны любого рода; и здесь возникают разные связанные с этим соображения. Самым важным из них мне представляется такое: как только от меня требуют (со стороны государства, партии, фракции или религиозной секты и т. д.) участия в военной акции против других людей, к уничтожению которых я обязуюсь быть готовым, так сразу же у меня утрачивается сознание индивидуальной реальности существа, которое я могу оказаться вынужденным убить. Для того чтобы сделать из него козла отпущения, необходимо конвертировать его в некую абстракцию — в коммуниста, или фашиста, или антифашиста и т. п. При этом я вовсе не считаю, что здесь происходит вполне осознанный процесс. Истина оказывается более глубокой. На мой взгляд, речь идет о такой диспозиции личности, когда компонент ресентимента оказывается связанным с тенденцией к понятийному распаду, причем такая диспозиция существенным образом противоположна тому, что выступает, например, как восхищение, понимаемое в его истоке и наивности; такая диспозиция выявляет своего рода напряжение между целостностью созерцающей личности и целостностью личности созерцаемой. По ходу нашего размышления замечу — и это замечание мне представляется здесь самым важным, что небывалый упадок созерцательности, с одной стороны, связан с развитием духа абстрактности, но с другой, что еще более серьезно, — соотносится с интенсификацией духа войны в современном мире. Проблема созерцательной установки и вопрос о мире не только связаны между собой, но на самом деле это один и тот же вопрос; но еще раз подчеркну, что не может не быть противоречия между созерцанием и установкой на самоудовлетворение абстракцией как таковой.

Идти надо, я полагаю, еще гораздо дальше и видеть, что наш современный мир (и это, видимо, одна из тех его черт, благодаря которым он самым очевидным образом предстает как обреченный) — это такой мир, в котором абстракции принимают зримую форму, не переставая при этом быть абстракциями; другими словами, можно сказать, что они материализуются, не воплощаясь. (В качестве примера или разъяснения я скажу, что чрезвычайная скудость архитектуры в современном мире, вероятно, связана с этим имеющим всеобщий характер обстоятельством.) Именно в такой перспективе следовало бы рассматривать злоупотребление идеей массы в современном мире. Массы — вот, на мой взгляд, самый типичный, самый показательный пример абстракции, которая, став реальностью, остается абстракцией, ввиду того, что она фактически становится силой, властью. Такие реализованные абстракции неким образом предназначены для войны, то есть для обоюдного разрушения. Вот в этом пункте размышления нужно обратиться к тому, чтобы самым различным и самым конкретным образом раскрыть нашу тему. Например,

³ О нем см. сноску выше в Предисловии автора. С. 24.

следовало бы показать, что многотиражная пресса вместе со всеми своими пагубными последствиями реализует именно этот тип абстрагирования. Подхватывая одну из тем моих последних исследований, я скажу, что такая пресса ориентирована против рефлексии, против любой возможной рефлексии. И добавлю, что любая рефлексия, достойная так называться, то есть осознающая взыскательность, выступающую самым глубоким ее мотивом, должна разворачиваться, напротив, ради конкретного, для него. Такие высказывания о конкретном непонятны для наивного сознания; действительно, таким сознанием предполагается, что конкретное — это то, что дано с начала, то, из чего надо исходить. Но нет ничего более ошибочного. В понимании этого Бергсон сходится с Гегелем. Конкретное — это то, за что непрерывно нужно сражаться. То, что дано с начала, — лишь не называемое и не названное смешение, в котором непроясненные (*non élaborées*) абстракции образуют как бы сгустки. Конкретное может быть снова обретено и завоевано по ту сторону абстрактности, понимаемой научно. Аналогичным образом дело обстоит и с миром как состоянием. Нет более опасной иллюзии, чем считать мир исходным состоянием: то, что дано нам с начала, не является даже и войной, но тем, что чревато войной, содержит ее как бы в зародыше. Наше исследование должно здесь перейти во внутренний план; благодаря такой интериоризации может проясниться то, что было сказано выше о связи между созерцанием и миром (*la paix*). Следовало бы спросить, при каких условиях каждый из нас может достичь мира с самим собой. Мы хорошо знаем, что внутреннее состояние мира с самим собой не является и не может быть предварительно данным, но может быть лишь целью, самым трудным достижением, высшим результатом. Но мы также знаем, что, вопреки некоторым ослепленным мыслителям, я не могу быть в мире с самим собой, если я не в мире с моими братьями. В конце концов, именно к исследованию сущности братства подводит начатое здесь исследование, некоторые линии которого я столь схематически набросал.

Итак, нет и не может быть братства в абстракции. В этом отношении нет ничего более ложного и обманчивого, чем те формулы, которыми удовлетворились люди Французской революции. Воодушевленные совершенно примитивной философией, они наивно верили, что свобода, равенство и братство могут стоять в одном ряду. Но это совершенно не так, на мой взгляд. Нужно признать, что равенство относится к абстрактному измерению, ведь равны не сами люди, полагаемые друг другу равными, ибо люди не треугольники или прямоугольники. То, что является равным, что должно быть положено как равное, не является живым существом, равными могут быть лишь те права и обязанности, которые данные существа призваны признавать одни у других, в противном же случае неизбежен хаос и тирания со всеми ее ужасающими последствиями, то есть власть самого низкого над самым благородным.

Но впадают в трагическую ошибку, когда то, что относится к правам, стремятся перенести на самих людей. Нетрудно показать, посредством какой диалектики эгалитаризм приводит тогда к чудовищным заблуждениям, которых все мы являемся сегодня свидетелями. Подобная диалектика связана как раз с тем, что равенство, будучи категорией абстрактного плана, не может переноситься в мир людей, не становясь при этом ложью и, следовательно, давая место такому неравенству, которое превосходит все, что встречалось в недемократических режимах. Здесь также имеет место война, но в таких формах ведущаяся, что она не признается таковой, потому что представляет собой по сути дела систематическое подавление миллионов людей, обреченных на полную беспомощность.

Вновь и вновь мы должны напоминать о том, что мир (*monde*), в котором миллионы и миллионы людей доведены до состояния рабов, не может считаться миром, находящимся в состоянии мира (*en paix*). Но с другой стороны, несмотря на все, что можно при этом сказать, состояние подобной несправедливости радикальным образом отличается от всего, что могло когда-либо существовать в те эпохи, когда фундаментальные принципы права не были еще ни провозглашены, ни даже просто задуманы. Самый удручающий скандал для мыслящего духа состоит в нетерпимом противоречии между этими принципами, которые никто не имеет мужества формально отрицать, и систематическим нарушением наиболее элементарных прав. Выяснить, как подобное противоречие возможно в самом существовании (а не просто как некая умственная данность), — вот самый серьезный вопрос.

Итак, я пытался показать, что именно вмешательство духа абстрактности, рассматриваемого как своего рода болезнь понимания (*de l'intelligence*), и делает это противоречие возможным. Выражение «болезнь понимания» все еще не является вполне точным. Следовательно, требуется проникнуть еще глубже, чтобы увидеть, каковы источники того явления, которое на поверхностном уровне предстает как болезнь понимания. Такова будет цель следующего исследования, к которому мы еще не приступили.